

В то утро я проснулся до света. Поставил чайник на электроплитку, а сам вышел на крыльцо, достал пачку «Оптимы» и закурил. Передо мной был старый яблоневый сад. Ветви деревьев так плотно переплелись друг с другом, что даже днем свет не проникал под кроны. А над дорожкой они образовали подобие арки, от этого делалось уютно и создавалось ощущение некоторой изоляции от окружающего мира, чего мне тогда и недоставало.

Перед рассветом небо было еще темно-синим, как калька, оно светлело на востоке и понемногу приобретало голубизну. Было тихо: в такой час спали даже окрестные собаки, отдаленно, из деревни поблизости, слышалось лишь петушиное пение.

Я жил здесь один уже вторую неделю, спасаясь от душного, потного летнего города и людей, начавших изрядно действовать мне на нервы. Это наша дача, вернее, фамильная собственность моей семьи. Домик построен черт знает когда кем-то из моих удачливых предков. Если бы этот кто-то знал, как хорошо мне курилось на крыльце в самодостаточном уединении! Было заметно, как свет из домика косо задевает меня, чуть нарушая предрассветную тьму.

Я курил свою «Оптиму», а небо надо мной потихоньку светлело, на горизонте уже показалась багровая полоса. Я прикончил сигарету и вернулся в домик к свистящему чайнику. Потом позавтракал, взял старую удочку, червей, приготовленных еще с вечера. Отломил горбушку мягкого батона, которую вместе с червями положил в рюкзак, где уже лежали пиво, нож, сигареты, запасная снасть и мой обед, состоящий из двух вареных яиц, одной картофелины и сардельки. Светало быстро, и я двинулся в путь, боясь, что мое испытанное место на реке займет кто-нибудь другой.

Сейчас на Тасу ехало множество людей: рыбаки, профессионалы и любители, просто отдыхающие, велосипедисты, в общем, теперь на реке стало многолюдно.

Раньше тут было два хозяина: я и дед Кешка, живший в Чекуново. Мой старый компаньон — старик с истертым лицом, взвихренным черным с проседью чубом и растрепанной бородой. Он вечно мусолил во рту «Приму».

Мы поделили Тасу на двоих и жили душа в душу. Ну, почти. Дело в том, что мы часто виделись на реке, а то и вовсе усаживались ловить рядом. Естественно, что между нами имело место негласное соревнование на то, кто поймает больше рыбы. Кешка побеждал всегда. Вне зависимости от погоды, давления, времени суток и черт знает чего еще. Однажды я встретил его в ливень, плетущегося с

реки, мокрого и уставшего. На мое: «Ну как сегодня?» он довольно ухмыльнулся и раскрыл цветастый пакетик, обнажив четырех вполне приличных карпов, попеременно открывающих рты.

Кешка нигде не работал, он жил лишь рыбной ловлей, это было его ремесло с детства, но он умудрялся идти против всех законов природы, всегда стабильно принося домой хороший улов. Как я ни пытался объяснить его успех с научной точки зрения, у меня ничего не выходило. Я множество раз просил его раскрыть свой секрет, на что он всегда противно ухмылялся уголком рта и говорил, чтобы я насаживал червя пожирнее.

Меня просто выводило из себя такое высокомерие, но я терпел, надеясь, что когда-нибудь мне все же откроется заветная тайна, когда-нибудь я стану его преемником. И вот пожалуйста: Кешка умер месяц назад в своем старом облупившемся домике и так и не успел мне ничего передать, все унес с собой в могилу, старый черт. Так я опять остался с носом. Но еще больше я жалел о его смерти, потому что не успел извиниться перед ним за свою зависть, над которой он часто беззлобно подтрунивал.

Я вышел за ворота, миновал дачный поселок и направился к дороге, вдоль которой в утренней тишине по обеим сторонам смиренно стояли липы, перемежаясь боярышником и кустами барбариса. Я прошел часть дороги и свернул в поля, два из которых мне предстояло пройти наискось, а за ними виднелась дубовая роща. От нее до реки было рукой подать. Свернув в рощу, я пошел тише, не знаю почему.

Сегодня я решил остановиться на Митькином пригорке, так как подумал, что туда-то уж не доберутся люди. Это было неплохое место, с сооруженным в незапамятные времена мостком, окруженное по бокам камышами, а с берега предвзвешенная непроходимой чащей и довольно крутым спуском.

Дно в этом месте было илистое, вода полна ряски, а сбоку, у самого входа на мосток, из земли росло огромное дерево. Оно раскинуло свои ветви, и поэтому даже в жару здесь было куда легче спрятаться, чем где бы то ни было. Проходя дубовую рощу, я почему-то вспомнил легенду о Митькином пригорке, точнее простую местную байку, которую мне как-то поведал Кешка.

Давным-давно на Тасе стояла одна деревня, Ухваты, и жил в той деревне искусный мастер на все руки, Митька. И полюбил он свою соседку, Любу, что жила через плетень. Когда Митька пришел свататься, отец Любы, не желавший брака, поставил условие: должен Митька полмира обойти и принести в доказательство ему по какой-нибудь вещице из каждой страны, где побывает, тогда отдаст он за него свою Любу. Делать нечего, на следующее утро встал Митька засветло, завернул в узелок краюху хлеба да огурец, взял свою балалайку, повязал лапти и отправился в путь. И много прошел Митька с тех пор, много видел. Шел он через Азию, повидал горы, моря и огромные реки, был в Индии, в Иерусалиме, у арабов, в Африке, в Греции, Италии, исходил еще множество земель. Повидал он Гроб Господень, был на Синае и на Олимпе, видел Ганг и Нил, и развалины Вавилона, и великолепные дворцы, встречал много людей, разных людей, видел много горя и много счастья.

Когда наконец вернулся Митька в Ухваты, то увидел, что ничего-то в родных краях не осталось. И Люба, и ее отец, и его родные, и все, кого он знал, уже умерли, Таса сузилась, обмелела, а на месте его родной деревни было чистое просторное поле. И понял Митька, что и сам он стал ветхим стариком, бросил на дороге мешок с подарками Любиному отцу, пошел на крутой берег Тасы и повесился на старом большом дереве. С тех пор место это и зовется Митькиным пригорком. Каждый раз, когда я вспоминал эту историю, меня брало зло на Любиного отца, за то, что послал Митьку в такую даль.

Вот наконец я миновал чащу, аккуратно спустился с пригорка и взошел на мосток. Утро было тихое, солнце еще не набрало силы, и я с удовольствием вдыхал

зеленую листовую прохладу большого дерева. Где-то вдалеке слышалось сонное мычание коровы, на воде, в местах чистых от ряски, было видно, как совсем рядом у поверхности играют мальки, кое-где, словно на коньках, катаются водомеры, лягушка, отмокающая в воде, скосила на меня безразличный взгляд.

Я разложил удочку, достал червей, осторожно насадил одного, закинул снасть и стал ждать. Когда мой новый яркий китайский поплавок сначала погрузился в воду, а потом встал перпендикулярно поверхности, я испытал радость, мне вдруг показалось, что уж с таким-то поплавком я сегодня поймаю много-много рыбы, а одна будет такая большая, что моя старая удочка треснет под ее тяжестью и мне придется бороться с ней голыми руками. Я уже подсчитывал, сколько может весить такая рыба, как вдруг лягушка в камышах резко плеснула по воде и отвлекла меня от моих сладких дум.

Потом я погрузился в то состояние блаженной неги, когда человек не может думать вообще ни о чем, да и не хочет. Я просто сидел на мостке, свесив ноги в воду, и тупо глядел то на другой берег реки, то на разноцветный поплавок, вид которого удручал своей безмятежностью. Казалось, вот-вот произойдет чудо, он полностью резко уйдет под воду, на крючке окажется та самая огромная сказочная рыба, которую я смогу победить в честной изнурительной борьбе, почти как в «Старике и море». Но чуда не происходило.

Если быть более точным, часа четыре не происходило вообще ничего. Я пытался насаживать разные наживки, менять глубину, подкармливать, кидать в воду землю, даже заменил поплавок, но все было бесполезно. Я не на шутку разозлился из-за всего этого, хотел даже сломать удочку, но вовремя одумался.

Видно, какие-то высшие силы плели заговор против меня. В итоге мне ничего не оставалось, как только смириться со своей участью. Я закрепил удочку при помощи своего рюкзака, достал пиво и принялся чистить вареную картофелину. Солнце уже жарило всюю. Правда, есть мне не хотелось, но я знал, что если сейчас останусь голодным, то потом начнет болеть голова. Кое-как заглотив картофелину, я запил ее пивом и от удовольствия цокнул губами.

За пределами большого дерева плыл жаркий июльский день. Мальки все также играли у поверхности, недалеко от меня проплыла дикая утка со своим выводком. Она медленно, с достоинством шествовала по мутно-зеленой глади, в то время как кортеж еле поспевал за ней. Когда вся процессия скрылась из вида, я скинул с себя верхнюю одежду, оставшись в одних плавках, и улегся на мостке, опершись на локоть.

Не помню, сколько так пролежал, но в один момент на меня откуда-то повеяло холодом, и я почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Я резко вскочил и увидел длинного сухопарого старика, он сидел на мостке на расстоянии вытянутой руки от меня и грустно смотрел в мутную воду, как будто о чем-то задумавшись. От неожиданности я то ли вскрикнул, то ли ойкнул.

— Вы чего тут? — только и смог я сказать.

Он несколько секунд сидел молча, потом повернулся ко мне и, растягивая слова, сказал:

— Садись, парень, в ногах правды нет.

Я медленно опустился чуть поодаль, свесил ноги в воду на манер моего гостя и стал рассматривать его. Несомненно, он был уже старик, на вид лет семидесяти, абсолютно лысый, с вытянутым худым лицом, сквозь щеки пробивалась седая щетина, по виску синей змейкой ползла вена.

На нем была огромная солдатская шинель времен Первой мировой войны, я недавно видел такие на фигурках солдат в музее, под шинелью клетчатая измятая рубашка и солдатские брюки болотного цвета, закатанные по колено. Так мы и сидели некоторое время, молча полоща босые ноги в мутной воде.

— Чего, сухой, рыбалишь? — вдруг неожиданно спросил он.

И так это сказал, наполовину насмешливо, наполовину с участием, что я даже не знал, как ответить.

— Пока, видишь, не очень получается, — тоже как-то неопределенно сказал я (решил сразу переходить на «ты»), мол, с такими нечего церемониться).

— Сейчас рыба здесь не та, что раньше, тогда, помню, и люди этой рекой жили, кормились с нее, а сейчас что, приедут, шумят только, живность пугают, да и мне никакого покою.

— А ты чего, тут живешь? — не удержался я.

В ответ старик ощерил ровный ряд желтых крупных зубов и захохотал, как-то странно, одним горлом, эти звуки были похожи на частое икание.

— Да я тут всю жизнь живу, — просмеявшись, заявил он, — я и родился здесь, и помру тоже здесь, я вроде как брат реки, и река — сестра моя.

Сначала я подумал, что это просто бомж, но теперь понял, — он еще и сумасшедший.

— Да ну?! — я решил немного подыграть ему. — Не надоело всю жизнь на одном месте-то?

Старик усмехнулся:

— Много вы, сухие, понимаете. Я на всю жизнь с рекой связан, пока она течет, и я живу, она пересохнет — и я умру. Так и вам, людям, нужно к чему-то быть приставленными, это-то Митьку и сгубило, горячий был, не подумал, пошел на потребу старому лису в дальние дали. А ведь я этого тестя, отца Любкиного, тогда через несколько ваших лет к себе на дно утянул. Негоже в ваши людские дела мне мешаться, да уж не удержался.

Вот ты спрашиваешь, «не надоело ли», это судьба моя такая, меня ведь не спрашивали, да я и не жалуясь. С вами особо некогда было скучать-то. Девоч раньше любил, страсть, — тут на лице старика появилась задумчивая улыбка, будто он пронизывал своим застывшим взглядом время, — они, бывало, купаться придут гурьбой и плещутся у берега, а я, знай себе, стерегу. Как одна какая-нибудь далече заплывет, я подкрадусь, за волосы да на дно, себе в жены. Сколько их у меня было, — он погрузился, свесил голову, — вот была одна, Варюшка, так была хороша, да померла скоро, не выдержала у меня одна, без подруг да родных. Только вот что от нее и осталось.

Он вытащил из кармана шинели что-то заплесневелое, скользкое. Когда я взглядел, это оказался старый оловянный крестик на лохматой веревке. Я взглянул на старика: по его носу медленно катилась слеза. Я знал, что передо мной сумасшедший, однако от его слов мне стало не по себе, особенно почему-то от этого старого крестика. Он заметил перемену в моем лице:

— Да ты не бойсь, сухой, ты-то мне без надобности, а с них, с сельских, я плату брал, за то, что кормил их, мы с рекой кормили, чтоб всегда у них рыба была да птица речная, — он будто вспомнил что-то, — Варюшку-то мою чем только ни пытался удержать, золота сулил, ничего не помогло, все одно — померла.

— Да откуда ж у тебя золото? — улыбнулся я.

— Вижу, не веришь мне, а все равно, это давно еще было, — старик почесал затылок и задумался.

Потом вдруг снова начал говорить, будто и не прерывался.

— Лет сто, почитай, тому назад стоял на реке цыганский табор, много их было, черные все, лихие, крепкие, и женщины у них были под стать им: тоже черные, юбки разноцветные, да глаза только белеют, все петь любили. Было у их барона много-много этого золота, драгоценностей разных, украшений, много всего награбили они, а у одного местного помещика целый табун отменных

лошадей увели, да только уже пустил он за ними в погоню целый отряд. Барон понимал, что с такой добычей им далеко не уйти, и темной ночью собрали цыгане все свои драгоценности в большой деревянный сундук, сбросили его в реку и сняли табор. Но перед тем был у нас с бароном уговор, что пройдет пять лет, и вернутся цыгане, и я отдам им их золото, а за это барон отдаст мне в жены лучшую девушку в таборе.

— И что, вернулись цыгане? — не удержался я.

Я хорошо помнил, с кем имею дело, но уж больно красивая была история, и я невольно заслушался. Старик лишь смотрел на воду и молчал.

— Вот, смотри, опять, небось, не веришь, — он полез в карман шинели и достал оттуда старую монету, на которой был изображен двуглавый орел, под ним было отчеканено «10 рублей 1899 г.», на другой стороне красовался профиль Николая Второго.

Тут уж я опешил, бережно взял монету в руки, попробовал на зуб, взвесил в ладони, она была тяжелая. «Может, правда, золото? Да, точно, золото, но это еще ничего не значит, — подумал я, — он мог достать ее где угодно».

— Ладно, дед, давай, колись, откуда монета? — сказал я, возвращая ее назад. Старик лишь ухмыльнулся.

— Беда с вами, сухими, ни во что, кроме себя, не верите, уж и поговорить-то с кем, и то не осталось. Кешка вот был, и тот похарчился.

Это уже было интересно, он знал Кешку, и, видимо, они были друзьями, я подумал, что, может быть, старик знает Кешкин секрет, шанс мизерный, но он все же был.

— А ты его давно знал? — спросил я, доставая из рюкзака пиво.

Старик вскинулся:

— Кешку-то? Хо! Да он еще мальком бегал на реку рыбалить, смешливый был. Как постарше стал, мы с ним тут днями и ночами, бывало, беседовали. Всю жизнь тут прожил, резко он сдал в последнее время, все на грудь жаловался.

Только я собрался подобраться на шаг ближе к заветному вопросу, как старик прервал меня.

— Не говори, знаю, о чем спросить хочешь, — он хитро прищурился, совсем, как Кешка когда-то, — не знаю я, как он это делал, было в нем что-то, да он не докладывал, а я и не спрашивал, не знаю.

Я поставил пиво рядом со стариком:

— Будешь?

Тот только поморщился:

— Да нет, я эту гадость терпеть не могу, как это вы еще ее пьете, удивляюсь.

Тогда я открыл бутылку и отхлебнул сам, пиво уже было теплое. После мы еще некоторое время просидели молча, казалось, потеряв друг к другу всякий интерес. В один из моментов гость мой вдруг запел какую-то старую грустную песню: он пел тихонько, и так складно у него это получалось, что у меня аж мурашки по спине пробежали. Слов песни не помню, она была вся как будто на старославянском языке, да и о чем там пелось, тоже уже забыл, а жаль. Старик закончил петь и неожиданно ударился в воспоминания:

— Раньше, помню, река была сильная, широкая была. Тут ведь ваши старшие лес по ней сплавляли, на деревяшках этих ходили. Как их? Ладьями звались. И ничего, река все стерпела, кормила вас, сухих, раньше вдоль нее сколько деревень было, — он говорил как-то с укором, будто это я засорил и осушил реку, — а сейчас ни река никому не нужна стала, ни я, старый, чую, скоро уж нам и пересохнуть с ней.

— А откуда это у тебя шинель такая? — поспешил я сменить тему. — Уж больно раритетная.

— Какая, какая? — переспросил он. — Это мне солдатик один подарил. Шел с войны, гостинцы семье нес, да были на реке в ту пору лихие люди. Подкараулили его да зарезали, мешок с вещичками взяли, а самого в реку. А одежда-то почти новая, чуть подлатать — и порядок.

Он улегся на мостке, подперв мощное длинное тело локтями, и тогда я увидел на шинели, почти под мышкой, две неумело заштопанных дырки, похожие на разрезы от ножа. Мне опять стало не по себе, я застыл на своем месте и лишь пытался успокоить себя тем, что на старика вновь упала пелена маразма.

Я хорошо понимал, что старый нательный крестик, монета и две дыры на шинели ничего не доказывают, что то, о чем он говорит, невозможно, но все равно какие-то непонятные сомнения не давали мне покоя.

— Ладно, сухой, засиделся я тут с тобой, — прервал молчание старик, — знаю, хочешь, как Кешка. Так и быть, открою тебе его секрет, ничего тут нет особенного.

Теперь я слушал, открыв рот.

— Я ведь ему всю его жизнь помогал, хороший он был, мало среди вас таких, и рыба у него не переводилась. Только секрет главный его вот в чем: никогда он не брал больше, чем нужно. И ты больше никогда не бери, я и тебе помогу. Знай, пока река течет, всегда сможешь брать отсюда рыбу, — и он замолк.

Старик сокрушил мои ожидания, вместо секрета я услышал бессвязные бредни сумасшедшего, уж лучше бы он обругал меня распоследними словами, чем это. Во мне все кипело от возмущения.

— Слушай, дед, шел бы ты отсюда, — выпалил я с досады.

Тут уж не помню, что произошло, но что-то заставило меня тогда повернуться и взглянуть на поплавок. С ним случилось невероятное: он трепыхался из стороны в сторону. Я судорожно сжал в руках удочку и некоторое время наблюдал этот захватывающий танец. Когда поплавок чуть погрузился в воду, я подсек и вытащил вполне приличного линя, по моим расчетам, такой тянул грамм на двести. Я выпустил его в бидон с водой и только тут вспомнил о старике. Когда я обернулся, его уже не было. Да мне было и не до него. Казалось, рыба со всей реки сама плывет ко мне на крючок, поклевки шли одна за одной, и я едва успевал вытаскивать.

В тот день я наловил много, пожалуй, так много я не ловил еще никогда. Возвращаясь через поля с бидончиком, набитым рыбой, я насвистывал ту старую медленную песенку, которую пел мой неожиданный гость и которую я потом забыл.

Небо вдалеке уже тлело, дышалось легко, птицы летели в сторону города по своим квартирам, и сильно урчало в животе. Потом я подумал, что зря напоследок наругал старику, потому вознамерился завтра же найти его на реке и извиниться.

Много еще дней я ходил на Тасу ловить рыбу и, как и говорил старик, неизменно возвращался с полным бидончиком. Только его я больше не видел. Похоже, он обиделся на меня и не хотел больше со мной разговаривать.